

Глава 18

Лу Чжи знал Сыма Фана не один год — они долгое время служили вместе. Он прекрасно понимал, что за человек перед ним.

В данный момент их позиции в целом совпадали, иначе бы он не явился сюда под покровом ночи. Однако Сыма Фан лучше других понимал, что значит «беречь себя ради мудрых дел», и не желал вступать в открытое противостояние с Дун Чжо в столь опасное время.

Если уж он, бывший начальник уезда Лоян, вёл себя так, то и его сыновья, скорее всего, были того же поля ягоды.

Наблюдая за тем, с какой тревогой и недоумением собеседник вскрывает письмо, Лу Чжи лишь утверждался в этом мнении.

И всё же, несмотря на это, Сыма Лан и его брат заключили союз с Армией Чёрной горы, разгромили Люй Бу и нанесли Дун Чжо чувствительный удар. Чья же это заслуга?

Сердце Лу Чжи забило сильнее. Он снова спросил:

— Или, быть может, вы когда-то присылали мне письмо?

Взгляд учёного был таким настойчивым, что Сунь Цин невольно ответил:

— ...Да.

Его Величество велел не упоминать о своём пребывании в Хэнэе, но Лу Чжи спрашивал лишь о члене императорского рода по фамилии Лю и о письме. Ответить на это было можно.

Какая связь между членом императорского рода и Его Величеством?

Услышав ответ, Лу Чжи почувствовал, как с его сердца упал тяжелый камень.

— ...Господин Лу, зачем вы меня тащите! — прошипел Сыма Фан, одной рукой пытаясь удержать развёрнутый свиток, а другой — отбиваясь.

Он пошатнулся, но Лу Чжи увлёк его в другой конец двора.

Сунь Цину эта сцена показалась забавной.

Лу Чжи был высок, Сыма Фан ему не уступал, но сейчас эти двое прятались в тени, словно дети, затеявшие тайный сговор.

Жаль только, нельзя было расслышать, о чём они говорят...

— Несколько дней назад, — заговорил Лу Чжи голосом, который могли слышать только они двое, — я получил письмо. Его написал мой бывший ученик, которого я обучал на горе Гоуши. Его зовут Лю Бэй, и он, можно сказать, происходит из императорского рода. В письме он заверил меня, что по-прежнему верен рыцарскому духу своей юности и не склонит головы перед сильными мира сего. Он писал, что у него есть и доблестные соратники, и умение командовать войском.

— Вы хотите сказать, что он в Хэнэе?

При словах «рыцарский дух» у Сыма Фана разболелась голова. В былые годы столичные странствующие рыцари доставили ему немало хлопот.

Он опустил глаза на свиток и ахнул:

— Так это он похитил моих сыновей?

На свитке было ясно написано: «вначале были принуждены следовать за ним».

Сыма Фан воскликнул так громко, что его услышал даже Сунь Цин.

Посланник не знал, что «он», о котором говорил Сыма Фан, и «он», о котором думал он сам, — это два разных человека. Он лишь неловко кашлянул.

Сыма Фан бросил на него косой взгляд и понял, что это молчаливое признание.

Он потерял дар речи.

— ...Господин Лу! Ваш ученик унаследовал вашу негибаемую волю!

— Оставим эти мелочи, — решил сгладить неловкость Лу Чжи и поторопил собеседника: — Читайте дальше. Потом они стали сотрудничать, так что всё в порядке.

Сыма Фан при тусклом свете дворовых фонарей быстро пробежал глазами оставшуюся часть письма.

Сыма Лан писал, что они заманили Люй Бу в уезд Еван под предлогом борьбы с разбойниками.

Используя преимущество Армии Чёрной горы в горной местности, они устроили врагу несколько засад и в итоге взяли его в плен, тем самым временно обезопасив Хэнэй.

Местный старейшина Ли Шао, не понявший, что значит «когда губы замерзают, зубам холодно», был ими временно задержан. Его обещали отпустить, как только ситуация изменится.

По просьбе Лю Бина, Сыма Лан не упоминал его имени в письме, но между строк читалось, что некий мудрый человек сначала отпустил братьев Сыма, не желая их впутывать, и лишь потом они сами вернулись, чтобы помочь ему.

Именно этот мудрый человек и предложил как можно скорее вывезти Сыма Фана из столицы, чтобы они могли действовать без опаски.

Если так, то этот человек и впрямь обладал талантом полководца и незаурядной харизмой.

Сыма Фан пришёл к определённому выводу.

— Времени мало, некогда рассуждать. Я спрошу лишь одно: каково ваше решение, господин Лу?

Уже светало, близился час утреннего приёма при дворе.

Лу Чжи ответил без колебаний:

— Я намеревался, если этот разбойник Дун Чжо посмеет официально объявить о низложении императора, ценой своей жизни бороться с ним до конца. Если у него хватит духу пойти против всех учёных мужей Поднебесной, пусть рубит мою голову своим сялянским мечом! Но если подмога уже близко, если у них есть плацдарм для борьбы, то можно и потянуть время!

Брови Сыма Фана дрогнули.

— Вы хорошо подумали? Ваше «потянуть время» — это не просто слова. Один неверный шаг — и вы не только не добьётесь своего, но и погубите свою безупречную репутацию!

Все знали, кто такой Лу Чжи. «Великий учёный Поднебесной, надежда всей страны» — эти слова подходили ему лучше всего.

Лу Чжи ответил на предостережение с суровым лицом:

— Если двор погрузился во мрак, а я один буду сиять чистотой, какой в этом толк? Напротив,

пока я сижу в Лояне, скованный по рукам и ногам, в Хэнэе уже подняли знамя борьбы. Вот это я называю доблестью и преданностью родине!

Он крепко сжал руку Сыма Фана.

— Раз уж Сыма Бода и другие хотят вас спасти, немедленно отправляйтесь в путь, не мешкая. Я буду вашим доверенным лицом здесь, а вы поможете им снаружи. Быть может, нам и впрямь удастся изгнать злодея.

— Господин Лу...

— Не отговаривайте меня. Вы сами сказали, что времени мало. Решено.

— Да не отговариваю я вас! — Сыма Фан вырвал свою руку. — Я хочу сказать, если уж вы готовы на такое, неужели я должен первым бежать и прятаться?

Лу Чжи замолчал.

Сыма Фан вздохнул.

— Я сейчас не занимаю важной должности, мой отъезд не повлияет на ситуацию в Лояне. Мои сыновья действуют на стороне, защищая жителей уезда Вэньсянь и не посрамив имени нашего рода. Но я боюсь, что Дун Чжо воспользуется моим бегством как предлогом для расправы с негодными. И тогда вам, господин Лу, будет гораздо труднее вести свою игру, понимаете?

Сыма Фан глубоко усвоил искусство самосохранения, но он также понимал: раз уж ставка сделана, ему, как главе семьи, лучше всего затаиться и выждать.

Остаться в Лояне было сейчас лучшим решением. У него был готов ответ и для Лу Чжи, и для Дун Чжо, если того схватят.

Сыма Лан и Сыма И, думая лишь о спасении отца, напротив, проигрывали в этой партии.

Лу Чжи и не догадывался, сколько мыслей пронеслось в голове собеседника за эти несколько мгновений. Услышав его доводы, он торжественно поклонился.

— Я был неправ, недооценив ваши устремления, Сыма Цзяньгун.

Сунь Цин растерянно наблюдал, как эти двое то шепчутся, то кланяются друг другу. Усталость от ночного перехода давала о себе знать, он невольно зевнул.

Вдруг он увидел, что Лу Чжи идёт прямо к нему, а Сыма Фан спешит обратно в дом.

— Он пошёл собирать вещи? — указал Сунь Цин.

— Нет, он не едет, — ответил Лу Чжи и, прежде чем собеседник успел спросить, пояснил: — Не волнуйтесь, молодой человек, он напишет письмо для Сыма Бода, в котором всё объяснит. Вы не зря проделали этот путь. И ещё, прошу вас передать героям в Хэнэе мои слова.

— Говорите.

— Какие бы вести ни доносились из Лояна, знайте: я, Лу Чжи, останусь верен династии Хань и Его Величеству. Это неизменно.

Слово «неизменно» прозвучало твёрдо, как сталь. Видя торжественное выражение лица Лу Чжи, Сунь Цин поспешно кивнул, показывая, что всё понял.

— Кроме того, я как можно скорее постараюсь выхлопотать для Лю Сюаньдэ официальную должность, чтобы вам было проще действовать.

Сунь Цин открыл было рот, чувствуя, что должен что-то сказать — например, почему в такой момент нужно упоминать какого-то незнакомого ему человека. Но потом он решил, что раз уж Его Величество упоминал Лю Бэя, значит, на то были причины.

— Хорошо, времени мало, уходите скорее.

В этот момент гулкий удар барабана, возвещающий об открытии городских ворот, разорвал ночную тишину. Лицо Лу Чжи изменилось. Он увидел, как Сыма Фан, уже сложив письмо, вышел из дома. Учёный выхватил у него из рук шёлковый пояс и сунул его Сунь Цину.

— Бегите, не медлите.

— А... — кто-то толкнул Сунь Цина в спину.

Он даже не успел попрощаться, как издали донеслись шаги слуг. Чтобы не создавать лишних проблем, Сунь Цин развернулся и, перемахнув через стену, увёл своих людей.

Он не решился уходить далеко и поспешил в сторону бедных кварталов, чтобы никто не заметил его связи с домом Сыма. Остановившись на оживающей улице, он наконец перевёл дух и дотронулся до мешочка с письмом за пазухой.

— Если бы мы действовали по-старому, как в Армии Чёрной горы, вы бы просто схватили

Сыма Цзяньгуна силой. Почему сегодня...

— Заткнись! — сплюнул Сунь Цин.

Его подчинённый увернулся. Тот успел сбегать на соседний рынок и купить мешочек пшеничных лепёшек. От них на прохладном осеннем воздухе шёл густой пар.

Сунь Цин взял одну.

«Разве ты не слышал, как убедительно говорил тот господин Лу? Если им лучше остаться здесь, то и нам будет что доложить по возвращении...»

«Что за ерунда! Не признаваться же, что Лу Чжи, который в прошлом командовал войсками, произвёл на меня такое впечатление, что я забыл о своем ремесле? Это слишком унижительно».

Сунь Цин откусил кусок горячей лепёшки, и голод наконец отступил.

— Уходим.

Но внезапно издалека донёлся шум.

— Прочь с дороги!

— Но-о!

Навстречу им неслись крики ужаса. Сунь Цин мгновенно изменился в лице и ловко отскочил к обочине.

Грохот копыт приблизился, и они увидели, как отряд всадников, сметая торговые лотки, ворвался на утренний рынок. Сунь Цин, упав за придорожную доску, осторожно выглянул и увидел, как кавалеристы безрассудно мчатся вперёд, выкрикивая что-то на непонятном наречии.

Ветер донёс густой запах крови. Всадники были из сялянской железной кавалерии Дун Чжо. Им было совершенно наплевать, что это рынок — они просто пронеслись через него, топча людей.

Сунь Цин заметил, что к сёдлам их коней были привязаны отрубленные головы. Всклоченные волосы скрывали лица, а свежая кровь источала тошнотворный запах. В руках они держали обнажённые мечи.

«За такие дела их ждёт смерть от тысячи порезов...» — мысленно выругался Сунь Цин.

И тут он едва не вскрикнул. Его подчинённый, тот, что дал ему лепёшку, замешкался, помогая кому-то, и оказался на пути конницы.

Прежде чем Сунь Цин успел что-либо сделать, длинный меч со свистом опустился и рассёк голову молодого парня. Тот, широко раскрывая глаза, увидел лишь фонтан крови. Отрубленную голову подхватил сялянский всадник, небрежно добавив её к своим «трофеям».

Другой подчинённый мёртвой хваткой вжал Сунь Цина в землю, не давая ему вскочить. Сквозь грохот копыт донёсся голос с сялянским акцентом:

— ...Мы уже у стен Лояна, не веди себя так нагло.

— Ха-ха-ха, одним разбойником больше, одним меньше.

— Эй, сколько у тебя?

— ...Не знаю, вернёмся — посчитаем. Всё равно по одному удару на каждого. Этих «подвигов» хватит, чтобы напугать столичных чинуш.

Сунь Цин закашлялся от пыли. В голове у него гудело, словно по ней ударили молотом. Перед ним на землю упал мешочек с лепёшками, забрызганный кровью.

Его скрутило от тошноты. Он вырвал только что съеденный кусок.

— Они...

Как они посмели! Он видел голод и восстания, он сам убивал людей. Но он никогда не видел такого абсурда. В самом процветающем городе Поднебесной воины среди бела дня убивали невинных, чтобы выдать их за врагов и получить награду.

Когда он снова поднял голову, всадники исчезли. Осталась лишь разгромленная улица и несколько обезглавленных тел. Среди них был и его товарищ.

Осенний ветер был пронизывающе холоден. И лишь потом, медленно, скованный ужасом плач начал пробиваться тонким ручейком.

— Ваше Величество!

Когда Сыма И вбежал во двор, Лю Бин уже долгое время смотрел на связку сушёной зелени перед собой. Эту траву он выменял у старушки на банку солений, боясь, что она отравится.

Но, получив её, он оказался в замешательстве. Он мог забрать траву у одной старушки, но не мог спасти всех голодающих. «Малый ледниковый период» в конце династии Восточная Хань был в самом разгаре. Ещё не наступила зима, а уже было невыносимо холодно.

Кажется, это была единственная помощь, которую он мог оказать... Ведь он и сам не был уверен, что сохранит свою жизнь.

— Ваше Величество! — снова позвал Сыма И. — Сунь Цин вернулся.

— О! — Лю Бин очнулся.

Он повернулся и увидел Сунь Цина — тот стоял, покрытый кровью, с бледным лицом и отсутствующим взглядом. Лю Бин подбежал и схватил его за плечи, осматривая с головы до ног.

— Что случилось? Ты не ранен?

Сунь Цин стиснул зубы. Он и сам не знал, отчего к глазам подступают слёзы: то ли от пережитого ужаса, то ли оттого, что первый вопрос Его Величества был о нём самом, а не о письме.

Он упал на колени, на его висках вздулись вены.

— Ваше Величество... Сунь Цин умоляет Ваше Величество... Умоляю Ваше Величество, покарайте разбойника Дун Чжо и верните себе трон!

<http://bllate.org/book/16006/1571217>